альный человек, создавший наш поэтический язык» — К., 318), Державину, именем которого Жуковский называет время *«пробуждения гения и поэзии»* (К , 318), он делает следующее резюме «Этот период *обогатил поэтический язык* и подготовил материал для прозы» (К , 321) Главная тенденция намеченного большого периода — создание почвы для Карамзина, открывшего «тайну» языка русской прозы С этой точки зрения он оценивает и литературно-общественную деятельность Новикова, который «способствовал тому, чтобы открыть Карамзину литературное поприще» (К , 321)

Именем Карамзина означен *третий* большой период русской литературы Его творчество исследуется Жуковским в движении, в эволюции от «Московского журнала» к «Истории государства Российского» Рассматривая литературную деятельность Карамзина как единую динамичную художественную систему, Жуковский выделяет *три* этапа его развития

«1 *Начало Редактирование „Московского журнала“*», в котором Жуковский выделяет ранние повести, «Письма русского путешественника», а также литературно-критические работы Карамзина Однако, «отмеченные печатью вкуса», эти произведения, по мнению Жуковского, «носят еще характерные черты молодости» [6]

Второй этап, когда по убеждению Жуковского, Карамзин достигает полного расцвета, связан с изданием «Вестника Европы» И несмотря на то, «что этот журнал не мог произвести того впечатления, какое вызвал первый, он имел *другое влияние*» Об этом другом, исключительном, влиянии карамзинского «Вестника Европы» в представлении Жуковского следует сказать специально

Прежде всего очень важно, что не нашумевшие повести «Бедная Лиза» и «Наталья, боярская дочь» теперь привлекают главное внимание Жуковского-романтика, достигшего пика в своем поэтическом развитии, а такие произведения, как «Моя исповедь», «Марфа Посадница», «Рыцарь нашего времени» Именно в них проза Карамзина достигает, по убеждению Жуковского, «истинного совершенства» (К , 322) В этих произведениях явно проявилась эволюция стиля его прозы и достаточно четко сформировались доминантные идеи его творчества, и прежде всего важнейшая из них — идея жизнестроения (В первую очередь в этом плане сле-

---

[6] Это понимал и сам Карамзин, готовя для последующих изданий свои повести Он многое в их стиле перерабатывал, добиваясь большей повествовательной ясности, охотно сокращая «общие места», опуская иногда целые периоды, развернутые определения, цветистые сравнения (см об этом *Канунова Ф З Из истории русской повести* Томск, 1967 С 95–98)